

Чат, разумеется, поддержал.

Сун Цинсюй не был профессиональным комментатором, но его понимание игры настолько опережало средний уровень, что многие действия игроков, непонятные обычным зрителям, после его объяснений становились кристально ясными. Количество возмущённых вопросов в чате заметно сократилось.

— Запасной AD у CAG играет вполне прилично, — сказал Сун Цинсюй. — Его выпустили на решающую карту, и,неважно, победа или поражение, давление на него колоссальное. Но он держит уровень по механике, а значит, по ментальной устойчивости уже выигрывает с большим отрывом.

[А что насчёт Shark? Как тебе Shark?]

Сун Цинсюй мгновенно выхватил этот вопрос взглядом. Глаза на секунду стали рассеянными, и он машинально ответил:

— Тан Хуай тоже неплохой.

Вот это «тоже» прозвучало крайне двусмысленно.

Оценка запасного AD от CAG была сдержанной — вежливой, объективной, не более. Но Тан Хуай — их собственный AD-керри — заслужил лишь «тоже неплохой»? На фоне первой характеристики это выглядело так, будто Сун Цинсюй им недоволен.

Настоящие фанаты WS заволновались: во-первых, не хотелось повторения прошлогоднего разрыва между двумя кэрри, а во-вторых, если в команде разлад — какого результата ждать на плей-офф?

Преданные поклонники принялись уговаривать Сун Цинсюя быть помягче.

Талантов в LPL хватало, но таких, как Сун Цинсюй, был ровно один.

Хейтеры же только радовались, предвкушая скандал — особенно связанный с Сун Цинсюем.

Одни подливали масла в огонь, другие увещевали, и атмосфера в чате стала одновременно абсурдной и сюрреалистичной.

А Сун Цинсюй, находившийся в самом эпицентре этого шторма, на самом деле до сих пор думал о том, что увидел прошлой ночью — о вейбо-аккаунте Тан Хуая.

Сегодня при первой же возможности он зарегистрировал новый аккаунт и снова зашёл на ту страницу. Ощущения были совсем другими, не как в первый раз.

Теперь, уже зная, что аккаунт принадлежит Тан Хуаю, те записи, которые раньше казались ему мрачными и навязчивыми, вдруг начали звучать иначе. В них читалось: Тан Хуай и правда любит его до безумия.

Сун Цинсюй-то думал, что внешне холодный Тан Хуай максимум способен быть чересчур страстным в постели. А оказалось, он ещё и умудряется ревновать на пустом месте.

Сопоставив даты публикаций с событиями тех дней, Сун Цинсюй восстановил картину по памяти.

Например, когда Чжоу Цзин набросился на него с обвинениями, Тан Хуай написал: «Я никогда тебя не предаю».

Когда Сун Цинсюй шутил и смеялся с тиммейтами, Тан Хуай написал: «Я рад, что они к тебе хорошо относятся. Но почему ты не можешь смотреть только на меня одного?»

А вчера — он просто перекинулся парой лишних фраз с Чжоу И, и Тан Хуай мгновенно взревновал и написал, что хочет запереть его.

Настолько густые, почти нереальные эмоции, какие бывают только в аниме и манге, — когда они вдруг обрушились на тебя в реальной жизни, было и страшно, и тревожно. Но вместе с тем Сун Цинсюй понял: его ощущение тех дней — что Тан Хуай постоянно живёт в тревоге — было абсолютно верным.

Вторую половину матча Сун Цинсюй толком не смотрел. Когда база CAG рухнула и они потеряли путёвку в плей-офф, он не стал злорадствовать, а просто сказал:

— На этом сегодняшний стрим заканчивается. Увидимся на арене плей-офф.

И без лишних церемоний закрыл трансляцию.

Обернулся — а Тан Хуая в тренировочной комнате нет.

Сун Цинсюй, сжимая телефон, вышел. Сначала обошёл задний двор — пусто. Поднялся наверх и обнаружил Тан Хуая, который устанавливал новый увлажнитель воздуха.

Услышав шаги, Тан Хуай похлопал по кровати:

— Стрим закончился? Посиди.

Сун Цинсуй послушно сел, скрестив ноги, и подпёр подбородок рукой, разглядывая чёткий профиль Тан Хуая.

— Ты плохо спишь последние ночи. Может, из-за кондиционера — воздух слишком сухой. Попробуем с увлажнителем, и если поможет, можно купить такой же для бабушки.

Говоря это, он быстро поставил последнюю деталь на место.

Только включил в розетку — и услышал:

— Ты мой человек из снов?

Ноль кадров на замах. Сун Цинсуй ударил вслепую, и Тан Хуай оказался совершенно не готов.

Его палец, тянувшийся к кнопке, дёрнулся в сторону. Он застыл, будто активировал стазис, — секунды две, может, три. Потом, часто моргая, нажал на кнопку.

Увлажнитель заработал. Влажный белый пар потёк непрерывным потоком, и тёмные ресницы Тан Хуая, окутанные туманом, стали похожи на крылья бабочки, которой намочили крылья.

— Тан Хуай, — сказал Сун Цинсуй, — почему ты на меня не смотришь? Я тебя спрашиваю. Ты — «Люблю Сюй-Сюя»?

— Ты всё знаешь.

Горло Тан Хуая стягивало спазмами. Чем спокойнее говорил Сун Цинсуй, тем сильнее накатывала паника.

— Да... Вчера ночью увидел?

Всё это время рядом с Сун Цинсюем он носил броню из непробиваемой силы. Дело было не в том, что он не верил в чувства Сун Цинсюя, — он просто не мог поверить, что кто-то способен принять его настоящего, без прикрас.

А ещё — он уже однажды потерял Сун Цинсюя. С момента их воссоединения, и особенно после той ночи, он понимал: его сила даёт Сун Цинсюю уверенность и покой. И это лишало его последней возможности показать свою уязвимость.

Сун Цинсуй вздохнул, взял Тан Хуая за подбородок и заставил посмотреть на себя. А увидев

его покрасневшие глаза, снова почувствовал, как сердце размягчается.

Он подался вперёд и поцеловал Тан Хуая в губы.

— Сейчас вопросы задаю я. Тебе запрещено спрашивать меня. Веди себя хорошо и отвечай.

Тан Хуай, ошеломлённый поцелуем, послушно кивнул:

— Хорошо.

Тогда Сун Цинсюй улыбнулся. Нежность и любовь в его глазах потекли по невидимой линии взгляда, твёрдо и неотвратно, прямо к Тан Хуаю.

— Ты — «Люблю Сюй-Сюя», верно? — спросил он снова.

Тан Хуай смотрел на него почти зачарованно:

— Да. Это я.

Сун Цинсюй кивнул.

— И тебе кажется, что я могу в любой момент тебя бросить?

Тан Хуай услышал вопрос и рефлекторно опустил голову, но Сун Цинсюй снова решительно приподнял его подбородок.

Под его взглядом с Тан Хуая, слой за слоем, слетали все маски, все оболочки, которыми он привык укрывать свою душу.

Тревога и боль заставляли его зрачки мелко дрожать, а из самой глубины без конца звучал голос:

Нельзя. Нет. Это неправильно. Ты не можешь его напугать.

Ты что, хочешь снова его потерять?

Честность — это лезвие. Ты порежешься сам.

Тан Хуай облизнул пересохшие губы. Дыхание несколько раз сбивалось, прежде чем он

наконец заговорил.

За секунду до первого звука самым сильным, самым отчаянным его желанием всё ещё было — промолчать.

— Да, — но душа выбрала правду. — Мы были в разлуке четыре года. Я не мог тебя найти. Ты слишком хорош для меня. Если бы я не стал тем, кто я сейчас, я бы даже не знал, как снова встать перед тобой.

Истинные причины были куда глубже, а вернее — в нынешнем хаосе Тан Хуай не мог облечь самое сокровенное в слова. Но Сун Цинсуй и так всё понял.

Он обнял Тан Хуая.

Всё это время именно Тан Хуай дарил ему надёжные, крепкие объятия, давал ему силу и уверенность.

Так вот, он — вторая половина Тан Хуая. И в минуту, когда его любимый человек уязвим, он тоже должен встать рядом и дать ему такую же силу.

Сун Цинсуй обнимал его, и Тан Хуай прижался всем лицом к его телу, отчётливо слыша его сердцебиение.

— Тебя не любил отец — но не потому, что ты плохой. Мама отправила тебя в город S — но не потому, что не любила.

Тан Хуай, тебе не нужно ничего скрывать. Поверь в себя.

Я на самом деле — по-настоящему — был покорён тобой, был к тебе притянут. Но притягивает меня не только то, что ты показываешь снаружи.

И я не расстроен. И не злюсь...

Тут Сун Цинсуй тихо рассмеялся.

— Ладно, чуть-чуть злюсь. Помнишь, я тебя спрашивал, а ты скрыл записи в аккаунте? Вот за это — чуть-чуть злюсь.

Руки Тан Хуая на его талии сжались крепче.

Сун Цинсуй погладил его по затылку.

— Но ты не должен бояться. Я, Сун Цинсюй, в этой жизни влюблюсь только один раз. И только в тебя.

Тан Хуай резко вскинул голову.

В чуть влажных зрачках Сун Цинсюя отражался оцепеневший Тан Хуай.

Только Тан Хуай. И больше никого.

Эта простая, кристально ясная реальность перевернула всё, что Тан Хуай о себе думал.

Он вдруг осознал: на самом деле успокоить Сун Цинсюя было совсем нетрудно. С того самого дня, как Тан Хуай появился на базе, в поведении Сун Цинсюя было куда меньше отторжения и неприязни, чем казалось. Больше всего это было похоже на обиду.

Обиду за то, что Тан Хуай не появился раньше. За все потерянные годы.

Тан Хуай закрыл глаза, запрокинул голову и благоговейно поцеловал Сун Цинсюя.

В этом поцелуе не было желания. Только освобождение — и обещание, которое ещё не успело облечься в слова.

Уголки губ Сун Цинсюя поползли вверх. Из-под опущенных век скатилась горячая слеза — и смешалась со слезой Тан Хуая. Вместе они промочили чей-то край футболки — чьей именно, уже было не разобрать.

.

В это же время. Арена LPL, комната отдыха CAG.

Менеджер только что закончил с послематчевыми формальностями. Открыв дверь, он спросил:

— Сейчас будет интервью. Кто пойдёт?

Игроки переглянулись и дружно посмотрели на Чжоу Цзина, сидевшего в кресле.

Чжоу Цзин в наушниках листал телефон. На главной странице ему подкинули нарезку стрима Сун Цинсюя.

Первый ролик — тот самый момент «разлада» с Тан Хуаем.

В комментариях Сун Цинсюя разносили за «имперские замашки», пророчили новый раскол WS. Чжоу Цзин смотрел и улыбался — настроение резко пошло вверх.

Второй ролик — финальные слова Сун Цинсюя перед закрытием стрима.

Красивый, как сошедший с небес, мужчина с мягкой улыбкой смотрел в камеру и говорил зрителям:

— На этом сегодняшний стрим заканчивается. Увидимся на арене плей-офф.

Чёрный экран паузы, в котором отразились глаза Чжоу Цзина — полные искажённой, перекошенной злобы.

Опять издевается. Сун Цинсюй снова над ним издевается. Какое он имеет право? Ему просто повезло с лицом, и теперь все вокруг носятся с ним, иначе он ни одного матча не выиграл бы!

Просто повезло. Вот и всё. Нашёл кучку безвольных идиотов, которые готовы ему подлизывать и играть за него как псы.

А он, Чжоу Цзин, просто невезучий. Не повезло с тиммейтами. Из-за этих бездарей он даже в плей-офф не прошёл!

Почувствовав на себе взгляды, Чжоу Цзин поднял голову и процедил:

— Чего уставились? Хотите меня послать? Что у меня больше фанатов — ещё не повод жрать на мне.

Саппорт Найча помрачнел. Он играл в LPL не первый год, и фанатов у него было не меньше, чем у Чжоу Цзина.

— Кто на тебе жрёт? Ты сам-то видел, как сегодня играл? Тебя попросили пойти на интервью — это что, преступление?

Чжоу Цзин швырнул телефон, уставился на них и процедил:

— Я плохо играл? Я вас хоть раз упрекнул? Ты — помоечный саппорт, играл на Наутилусе и сколько раз зацепил стену вместо врага, сам считал? А ты — шизоидный мидер, ульт Райза превратил в кнопку «Бежать!». Не можешь стоять на миде — уходи из киберспорта. И вы двое — топ-джангл пара психопатов, зачем полезли ганкать того убогого топа? Много наганкали? Начали 3-0, и что? В итоге всё слили!

— Чжоу Цзин, ты совсем совесть потерял? — Найча не верил своим ушам. — Я тот раз специально сунулся вперёд, чтобы на себя урон принять! За тебя! Теперь я понимаю, почему у тебя с Сун Цинсюем не сложилось. Кто бы это вытерпел?

— Хочешь быть псом Сун Цинсюя — беги к базе WS и вставай в очередь! Посмотрим, нужен ли им такой мусорный саппорт!

— Ты...!

— Хватит! — рявкнул менеджер. — Все заткнулись!

Чжоу Цзин хмыкнул и сел обратно, снова уткнувшись в нарезки стрима Сун Цинсюя.

Менеджер кивнул на запасного AD:

— Сяо Ин, пойдёшь на интервью вместе с тренером. Сейчас с этими не договоришься — если их выпустить перед камерой, они наговорят такого, что босс завтра меня выкинет на улицу. Потом дам тебе красный конверт.

Сяо Ин растерянно поднялся:

— А... ладно.

Уже на выходе он обернулся и по доброте душевной попытался утешить Чжоу Цзина:

— Не расстраивайся, гээ.

Чжоу Цзин развернулся и ударил его ладонью по руке:

— Пошёл вон!

У Сяо Ина покраснели глаза. Он вышел вслед за тренером.

За дверью тренер тихо сказал:

— Он бешеная собака, кусает всех подряд. В следующем сезоне его заменят. Не бери в голову. Менеджер тебе потом компенсирует.

Сяо Ин посмотрел на покрасневшее предплечье и с каменным лицом произнёс:

— В прошлом году договаривались, что в этом сезоне я выйду в основу. Он занял моё место. И даже с ним не смог побеждать.

Тренер хотел ещё что-то сказать, но мимо прошёл сотрудник Лиги, и он лишь покачал головой.

Сяо Ин одёрнул рукав, но обида и злость внутри никуда не делись. Он хотел что-то сделать. Хотел вернуть себе место в основном составе.

<http://bllate.org/book/18105/1736459>